

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.42

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (на примере этнолокальных сообществ татар Новосибирской области)

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

e-mail: zamashka@yandex.ru

Аннотация. На материалах полевых исследований этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельских районах Новосибирской области, рассмотрены особенности их экономической адаптации к процессам социальной модернизации. Дана характеристика основных элементов современной системы жизнеобеспечения, выявлены закономерности ее трансформации. Сделан вывод о том, что базовым принципом формирования систем жизнеобеспечения в сельских этнолокальных сообществах татар в настоящее время выступает диверсификация экономических практик. Она проявляется как сочетание максимального количества доступных современных и традиционных практик, что позволяет сообществу адаптироваться в регулярно изменяющихся условиях. При этом вся структура экономических видов деятельности находится в процессе непрерывной трансформации.

Ключевые слова: этнолокальные сообщества, сельские сообщества, система жизнеобеспечения, экономические практики, трансформация, модернизация, диверсификация.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2020). Формирование систем жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ в условиях модернизации (на примере этнолокальных сообществ татар Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.120-132. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.120-132

FORMATION OF LIFE SUPPORT SYSTEMS FOR RURAL ETHNO-LOCAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION (on the example of ethno-local communities of tatars in the Novosibirsk region)

M. R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

e-mail: zamashka@yandex.ru

Abstract. Based on the materials of field research of ethnolocal communities of Tatars living compactly in rural areas of the Novosibirsk region the features of their economic adaptation to the processes of social modernization are considered. The characteristics of the main elements of the modern life support system are given, and the regularities of its transformation are revealed. It is concluded that the basic principle of formation of life support systems in rural ethno-local communities of Tatars at the present stage is the diversification of economic practices. It manifests itself as

a combination of the maximum number of available modern and traditional practices, which allows the community to adapt to regularly changing conditions. At the same time, the entire structure of economic practices is in the process of continuous transformation.

Keywords: ethnolocal communities, rural communities, life-support system, economic practices, transformation, modernization, diversification.

For citation: Zazulina, M. R. (2020). Formation of life support systems for rural ethno-local communities in the context of modernization (on the example of ethno-local communities of Tatars in the Novosibirsk region). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. pp.120-132. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.120-132

Процессы социальной модернизации, начавшиеся в конце XX в., привели к изменению жизнедеятельности всех групп российского общества. Значительные трансформации произошли в образе жизни сельских локальных сообществ, в том числе, имеющих этническую специфику. Дело в том, что значительную роль в системах жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ всегда играли практики традиционного природопользования. Соответственно, модернизационные перемены для таких сообществ сопровождались трансформацией систем жизнеобеспечения, изменением роли и места составляющих их элементов.

В данной работе будет дана характеристика основных элементов современной системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельской местности, а также выявлены основные закономерности ее трансформации. Основой для наблюдений и выводов, послужили данные полевых исследований, реализованных при участии автора в 2015 г. на территории Новосибирской области. Исследованием были охвачены практически все населенные пункты, расположенные в сельской местности и являющиеся местами компактного проживания представителей татарского этноса: Аул-Кошкуль, Малый Тебис, Аул-Тебис, Белехта, Тармакуль (Чановский район), Аул-Бергуль, Аул-Шагир (Куйбышевский район), Новокурупкаевка, Аул-Тандов (Барабинский район Новосибирской области). В ходе исследований применялись следующие методы: включенное наблюдение, глубинные интервью с лидерами сообществ, а также представителями поселковых и районных администраций, анкетный опрос рядовых жителей, работа с официальными документами и статистикой. Всего было проведено 50 интервью с представителями экспертного сообщества и 234 формализованных интервью с рядовыми жителями поселков.

Новосибирская область традиционно является местом компактного проживания представителей татарского этноса. Племена близкие к татарским, и называвшие себя «бараба», жили здесь издревле. Именно они дали название современному этнониму «барабинские татары». Современные ученые относят татар, проживающих на территории Новосибирской области, к группе сибирских татар, образовавшейся на территории Западной Сибири в результате сложных этно-демографических и миграционных процессов. Этногенез сибирских татар происходил на фоне взаимопроникновения и смешения различных по происхождению племен и народностей, прежде всего угорских, самодийских, тюркских и монгольских [Ульянова и др., 2015]. При этом барабинских татар принято выделять в отдельную этнографическую группу среди сибирских татар, на том основании, что в их

формировании в достаточной степени представлены некоторые «паневразийские», а также «сибирская» гаплогруппы, но практически не выражены «переднеазиатские» и «восточноазиатские» гаплогруппы [Имекина и др., 2017]. Кроме этого, часть современных представителей татарского этноса, проживающих в Новосибирской области на территории обследованных поселений, являются потомками так называемых «мишар», выходцев с Поволжья, под влиянием социально-политических факторов мигрировавших на территорию Сибири в XVIII в.

Все поселки, которые сегодня являются местами компактного проживания татар, являются относительно небольшими: на момент исследования численность населения в каждом из них составляла от 136 до 651 человека, а численность домохозяйств – от 38 до 171 (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения и домохозяйств в населенных пунктах –
местах компактного проживания татар в Новосибирской области,
данные 2015 г. (данные похозяйственных книг)

Населенный пункт	Население (чел.)	Домохозяйства (шт.)
Курупкаевка	470	110
Аул-Тандов	136	38
Аул-Бергуль	651	171
Аул-Шагир	193	74
Тармакуль	415	106
Аул-Кошкуль	340	120
Аул-Тебис	398	105
МалыйТебис	330	90
Белехта	172	60

Из девяти указанных населенных пунктов семь являются моноэтническими, их население составляют представители татарского этноса. Еще два поселка являются полиэтническими, здесь соседствуют представители татарского и казахского этносов. Как показали проведенные нами исследования, моноэтничность является важным фактором сохранения этнического своеобразия в языковой и культурной сфере [Зазулина, 2019]. Можно предположить, что она способствует и сплоченности сообщества в сфере социальной и экономической. В данной работе будут рассмотрены особенности экономической адаптации сообществ татар, проживающих в сельской местности, к процессам социальной модернизации. На сегодняшний день, несмотря на свою малочисленность, исконный компактный характер проживания и наличие традиционных элементов в системе жизнеобеспечения, барабинские татары (и в принципе сибирские татары) не имеют статуса коренных малочисленных народов и закрепленных за ними территорий традиционного природопользования. При этом такие сообщества, обладая выраженной этнической спецификой и проживая в сельской местности, в равной степени сталкиваются и с проблемами общими для сельского населения России, и с процессами размывания традиционного образа жизни, характерного для коренных малочисленных народов.

Внимание к экономическим практикам важно еще и по той причине, что, как показывают исследования, основные проблемы, стоящие перед сибирскими татарами в местах их компактного проживания, имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер (это, прежде всего, плохое качество дорог, бедность, безработица), то есть связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Это означает, что перспективы дальнейшего воспроизводства этничности не могут рассматриваться вне контекста, создаваемого социально-экономической ситуацией. Нельзя забывать и про «золотое правило» сохранения этнической идентичности, в соответствии с которым длительное и полное сохранение этнической идентичности в культурных и социальных сферах возможно лишь при условии сохранения этнических практик в сфере экономики. В противном случае неминуемо происходит размывание традиционной социальной и культурной сферы, которые начинают приобретать исключительно внешний декоративный характер. Таким образом, проблема сохранения материального базиса, то есть традиционной системы жизнеобеспечения, оказывается важной частью проблемы сохранения этничности в полном объеме.

Под системой жизнеобеспечения мы будем понимать совокупность экономических практик, обеспечивающих существование и выживание этнолокальных сообществ. Перечень практик, составляющих систему жизнеобеспечения, может иметь региональные и даже локальные отличия, что объясняется наличием различных ресурсов, территориальными, природными и экономическими факторами. Однако основные группы практик, которые являются составляющими элементами системы, являются постоянными.

Говоря о сельских сообществах, целесообразно выделить следующие группы практик:

1. Традиционное природопользование, к которому относятся различные природопользовательские практики от охоты до рыболовства и собирательства.
2. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ), к которому относится работа на подворье от возделывания огорода до содержания крупного рогатого скота.
3. Сектор аграрной экономики (занятость в сельскохозяйственных организациях).
4. Сектор сельской экономики, к которому мы относим любую занятость формального и неформального характера в бюджетной и внебюджетной сферах, но осуществляемую в пределах села, либо предполагающую выезд за его пределы в рамках рабочего дня (мы не относим сюда).
5. Занятость, связанная с долговременными отлучками из села (вахта, долговременные приработки в крупных городах и пр.).

Выделение именно такой структуры обусловлено целями нашего исследования, поскольку позволяет зафиксировать то, что происходит с экономическими практиками, имеющими принципиальное значение для существования сельских этнолокальных сообществ, и как эти практики соотносятся между собой.

В частности, правомерным является выделение сектора аграрной экономики из сектора сельской экономики и представление его в качестве отдельной категории. Занятость в сельскохозяйственных предприятиях на протяжении последних ста лет была ведущим типом экономической деятельности и основной формой занятости на селе. Именно вокруг нее происходило выстраивание всей сельской экономики, выполняющей по сути дела

обслуживающую функцию. Именно в сфере занятости на сельскохозяйственных предприятиях произошли и продолжают происходить изменения, приводящие к трансформации всего образа жизни сельских сообществ. Поэтому в рамках данной работы занятость в аграрной сфере, т. е. на современных сельскохозяйственных предприятиях, мы будем рассматривать отдельно.

Также имеет смысл выделять и рассматривать в качестве самостоятельного сектора ЛПХ, несмотря на то, что формально он относится к сектору аграрной экономики. Именно перераспределение функций по жизнеобеспечению сельских сообществ между крупными сельскохозяйственными предприятиями и личными подсобными хозяйствами населения оказывается ведущей тенденцией последних десятилетий.

В выделенном перечне экономических практик первые две, то есть природопользование и ведение ЛПХ, могут считаться традиционными, а последние три – современными практиками. И основные процессы в современной экономике последних десятилетий и даже столетий связаны с усилением позиций современных практик в качестве элементов системы жизнеобеспечения и ослаблением позиций традиционных практик. Именно в этом ключе можно интерпретировать процесс увеличения городского населения, процесс сокращения количества сельских населенных пунктов и процесс сокращения занятости в аграрном секторе, который за счет все большей технологической оснащенности требует все меньшего количества рабочих рук.

Традиционные и современные практики не являются полностью взаимоисключающими, а оказываются достаточно гибкими по объему и содержанию. В научной литературе феномен совмещения различных практик хозяйствования получил название диверсификация. И на сегодня диверсификации экономических практик является основной адаптационной стратегией для представителей всех обследованных этнолокальных сообществ. Можно даже подчеркнуть, что этносы не выбирают, они совмещают.

Самой распространенной экономической практикой в татарских поселках является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Такие хозяйства ведет от 65 % до 90 % домохозяйств в каждом из обследованных поселков.

В целом характеристики ЛПХ и вся ситуация, связанная с ведением подсобных хозяйств в татарских селах, похожа на ситуацию в сибирском селе в целом. Различная доля ЛПХ в различных поселках связана, как правило, с представленностью трех категорий населения: бюджетников, пенсионеров и маргинализованных элементов. Именно они по разным причинам, как правило, не держат ЛПХ. Бюджетники не держат хозяйств в силу полной занятости на основном месте работы, а также в связи с регулярным денежным доходом от заработной платы в бюджетной организации. По сельским меркам такой доход является не только стабильным, но и значительным. Особенно эта тенденция выражена для семей, в которых бюджетниками являются и муж, и жена. Для пенсионеров ведение хозяйства часто оказывается слишком трудоемким, кроме этого им помощь зачастую оказывают семьи детей. Семьи маргиналов не ведут хозяйство, так как это требует регулярных усилий, в то время как маргиналы в соответствии с образом жизни предпочитают разовые случайные заработки.

В личных подсобных хозяйствах татары держат коров, кур, гусей. По религиозным причинам не держат свиней, зато держат овец. Во всех поселках, кроме одного, выпас коров производится стадом, которое может насчитывать от 150 до 250 голов. Однако это не означает, что поголовье коров распределено равномерно между всеми домохозяйствами, ведущими ЛПХ. В последние годы наметилась тенденция специализации ЛПХ: домохозяйства делятся на те, которые держат сразу от 4–6 коров и больше, и те, которые коров не держат. Сельские эксперты связывают это с тем, что одну корову держать становится невыгодно: если держать ее для продажи, то молоко и мясо с нее сдавать оказывается слишком нерентабельно, если держать ее для потребления в домохозяйстве, то становится дешевле купить эти продукты в магазине или у односельчан. С такой точки зрения, при наличии близких и удобных рынков сбыта, на подворье выгодно иметь от 4 коров. В целом коров держат до 40 % домохозяйств.

Также в домохозяйствах держат овец и птицу, часто в значительных количествах. В хозяйствах, которые держат кур, их поголовье насчитывает, как правило, 50–70 голов. Кроме этого сезонно татары разводят значительное поголовье гусей.

Таким образом, для татарских этнолокальных сообществ, характерен достаточно крепкий сектор ЛПХ, в котором выделяется значительная доля не крупных, но средних по размеру хозяйств, ориентированных на товарное хозяйство.

В то же время все эксперты отмечают общую тенденцию сокращения ЛПХ, связанную со значительной трудоемкостью и низкой рентабельностью этой экономической деятельности. В чуть более выигрышной ситуации находятся те сообщества, на территории которых есть мелкие предприятия по приему и переработке молока. Они не только обеспечивают население рабочими местами, но и, принимая молоко, тем самым стимулируют развитие сектора ЛПХ.

Также отметим, что крупные подсобные хозяйства в татарских поселениях не зарегистрированы ни в качестве фермерских, ни в качестве индивидуально-предпринимательских. На момент исследования количество крестьянско-фермерских хозяйств в поселках составляло всего 3 единицы.

Второй по популярности группой экономических практик, осуществляемых населением татарских поселков, является традиционное природопользование. Сюда относятся сбор ягод, грибов, папоротника, колбы. В различных поселках природопользованием занимаются от 50 % до 70 % домохозяйств. Несмотря на большую распространенность таких практик, лишь крайне незначительная доля семей (менее 5 %) занимается ими профессионально, т. е. полностью живет за счет леса. В целом же особенностью таких практик в современности является их низкоспециализированный характер. По сути дела, они не требуют специальной подготовки и участие в них, как правило, принимают все члены семьи от мала до велика, в ряде случаев объединяются члены нескольких семей. Сбор дикоросов в подавляющем большинстве случаев осуществляется для потребления в собственном домохозяйстве.

Поскольку сбор дикоросов имеет сезонный характер, то и доход от такой деятельности тоже является сезонным. Конкретные ориентации на сбор тех или иных дикоросов связаны

с непосредственной быстрой возможностью их продажи, поскольку часто их ценность определяется их «свежестью». Например, сбор грибов гораздо более распространен в поселках, которые находятся непосредственно возле крупной автомагистрали. В обследованном ареале (напомним, что речь идет о Чановском, Куйбышевском и Барабинском районах Новосибирской области) это трасса Р-254, которой местное население дает разные названия: «дорога жизни», «трасса Байкал» и пр.

Для населения близлежащих поселков ее значение определяется не столько тем, что по ней можно куда-то уехать, а тем, что на ней местное население может продать проезжающим грибы и ягоды. По сути дела, автомагистраль существует не для передвижения, а для продажи и является фактором, значительно стимулирующим традиционную природопользовательскую деятельность местного населения. Такое изменение общепринятого значения привычных нам явлений можно считать проявлением современных комплексных социально-экономических процессов (подобные явления интересны для наблюдения и, несомненно, нуждаются в дальнейшем анализе и осмыслении).

Занятость в крупных сельскохозяйственных организациях наименее представлена среди населения татарских этнолокальных сообществ. Низкая представленность ее связана с тем, что не в каждом населенном пункте есть сельскохозяйственные предприятия. На момент обследования, предприятия действовали только на территории двух поселков – Тармакуль и Бергуль. Количество местного населения, занятого на них составляло соответственно 10 и 6 человек. При этом в ряде поселков сельхоз предприятия ранее существовали, но были в ходе аграрных трансформаций сначала реструктурированы, а затем ликвидированы.

Отметим, что обычно занятость в сельскохозяйственных предприятиях является приоритетной для сельских жителей, и если на территории населенного пункта их нет, то селяне часто устраиваются на предприятия в соседних селах. Среди татар подобная практика не получила распространения. Отношение к занятости в сельскохозяйственных организациях от сообщества к сообществу может меняться, и в ряде случаев обусловлено исторически сложившимся негативным отношением к процессам насильственной коллективизации, которое наложило отпечаток на выбор предпочитаемых экономических стратегий поведения. Это является одной из причин, почему ликвидированные колхозы на территории татарских поселений не были восстановлены. Работа на сельскохозяйственном предприятии считается среди представителей некоторых из обследованных нами сообществ низкооплачиваемой и не престижной. По доходности она проигрывает выбираемым стратегиям ведения крупных ЛПХ и отходничества в город. Но повторимся еще раз, негативное отношение к занятости в акционерных обществах (АО) не является повсеместным правилом и обусловлено сложным комплексом факторов, многие из которых имеют локальную природу.

А вот занятость в бюджетной сфере, напротив, везде считается важной и почетной, поскольку связана с помощью не просто односельчанам, но и представителям своего этноса. К сожалению, количество бюджетных мест в современном селе ограничено сферами образования (сады и школы), досуга (клубы и библиотеки), связи (почта), медицины (ФАПы)

и управления (администрации). В небольших татарских поселениях количество рабочих мест в таких учреждениях крайне мало, на них занято, в зависимости от размера населенного пункта, от 2 до 34 человек.

Кроме этого, сфера сельской экономики представлена немногочисленными магазинами и еще более немногочисленными заправокми, пилорамами и пр. Но подобные предприятия могут предоставить рабочие места лишь единицам.

Относительно новой, но активно осваиваемой сферой экономической деятельности для этнолокальных сообществ татар, является отходничество. Татары либо организуют строительные бригады по 10–15 человек и уезжают на длительное время (от нескольких недель до месяцев) в Новосибирск предлагать свои услуги на строительном рынке, либо уезжают работать на север классическим вахтовым методом (вахта, как правило, длится пару месяцев). Характерно, что в этом случае представители татарского этноса также не едут поодиночке, а предпочитают устраиваться на работу группами. Можно предположить, что в подобной коллективной организации отходнических практик нашел воплощение коллективный дух взаимопомощи, свойственный представителям татарского этноса. Отходничество распространено во всех обследованных нами поселках. В каждом из поселков на заработки периодически уезжают от 10 до 40 человек, таким образом, доля занятых в таких практиках домохозяйств может оцениваться в 10–40 % (уезжают, как правило, один взрослый из членов семьи и это, естественно, мужчины, женщины остаются дома заниматься детьми и вести хозяйство).

Структура занятости в обследованных сельских населенных пунктах, составленная на основе экспертных интервью представлена в табл. 2.

Таблица 2

Структура занятости в сельских населенных пунктах –
местах компактного проживания татар в Новосибирской области
(доля семей, занятых различными видами деятельности)

Сфера экономической деятельности	Доля занятых (%)
Традиционное природопользование	50–70
Личные подсобные хозяйства	65–90
Сектор аграрной экономики (сельхозпредприятия)	0–10
Сектор сельской экономики (бюджетники и небюджетники)	5–20
Занятость, связанная с долговременными отлучками из села	10–30

Описанная нами ранее и представленная в таблице структура занятости дает возможность осмыслить масштабы стратегии диверсификации в местах компактного проживания татар и ее характерные черты. Во-первых, приведенные данные свидетельствуют о бесспорном выборе населением этнолокальных сообществ татар стратегии сочетания принципиально различных экономических практик. Тот факт, что во всех обследованных поселках представлены все стратегии, свидетельствует о том, что каждое сообщество не просто сочетает современные и традиционные экономические практики, а старается использовать весь доступный спектр экономических реакций.

Во-вторых, мы можем проследить ранжирование практик по популярности среди населения. Оказывается, что, несмотря на все тенденции сворачивания объемов ЛПХ и природопользования, отмечаемых и статистикой, и научным сообществом, и сельскими экспертами, именно эти сектора остаются наиболее популярными, занимая соответственно первое и второе места по занятости среди населения. Настолько сильная включенность сельских сообществ в данные практики является лучшим свидетельством их поистине «народного» характера и вновь заставляет задуматься об их значимости для существования сообществ.

Напротив, даже совокупная доля всех форм современной занятости в нашем исследовании едва достигает 60 % (и очевидно, что на самом деле она намного ниже). Несмотря на то, что в сельских сообществах в последние десятилетия (и можно сказать даже столетия) происходит бурный рост современных форм занятости, фактически до сих пор все остается «по старинке». Кризис, вызванный проведением комплексных социально-экономических реформ, только подчеркнул, что сельское население оказывается «за бортом» всех инноваций, и по-прежнему вынуждено выживать за счет поля и леса.

Приведенные выше данные касаются занятости населения различными практиками, но никак не характеризуют доходность, то есть их экономическую эффективность. Отметим, что долю того или иного источника в общих доходах домохозяйства достаточно сложно оценить. Ведение ЛПХ и тем более природопользование, по сути дела, являются неформальными видами деятельности. Помимо того, что они имеют значительные сезонные колебания, сведения о них часто скрываются и занижаются. Также не всегда корректно сравнивать долю той или иной экономической деятельности в доходе домохозяйства и ее реальную значимость для выживания сельской семьи. Несмотря на низкую доходность и даже ее полное отсутствие, ведение ЛПХ и природопользование всегда остаются доступными видами экономической деятельности и именно поэтому играют важную роль в системе жизнеобеспечения сельской семьи. Также надо отметить, что различные экономические практики требуют различных трудозатрат. Например, к сбору ягод и грибов можно привлечь детей и поручить продавать подросткам. Отходничество на строительство требует преимущественно мужского труда. Сбор ягоды, растущей на болоте (клюквы и морошки), требует значительных, но разовых и ограниченных по времени усилий.

Товарный характер ЛПХ в современном российском селе отнюдь не является повсеместной нормой. По нашим оценкам, свою продукцию продают лишь 30–40 % домохозяйств в обследованных населенных пунктах. А это значит, что более чем для половины семей, ведущих ЛПХ, эта деятельность имеет полностью натуральный характер, сводящийся исключительно к потреблению в семье.

Также на основе собранных данных можно сделать вывод, что товарность природопользовательских практик еще ниже, чем товарность ЛПХ. Продажей дикоросов занимаются от 10 % до 40 % домохозяйств в зависимости от поселка. Даже если доход от таких продаж удастся получить, он может быть очень различным и иметь нерегулярный характер.

Если говорить о ранжировании экономических практик по доходности, то наиболее доходными среди татар считаются работа вахтовым методом и специализированное ведение крупного ЛПХ. Наименее доходными считаются работа на местных сельхозпредприятиях и ведение мелких ЛПХ. Получается, что доходность, по сути дела, не связана с традиционностью или современностью практик. Как те, так и другие могут приносить и высокий и низкий доход. По нашему мнению, такая «неопределенность» и служит реальной основой экономической диверсификации: каждая из них может стать значимой в постоянно изменяющихся условиях.

На основе всех имеющихся данных можно выделить характерные черты трансформации системы жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ татар. Очевидно, что происходит постепенное увеличение доли современных практик в системе жизнеобеспечения, а также увеличение их значимости в качестве источника дохода. При этом структура современных практик хозяйствования также претерпевает изменения, среди них наблюдается рост занятости, связанной с долговременными отлучками из села. Получается, что доля современных видов экономической деятельности увеличивается в основном за счет длительного отходничества, в то время как занятость в секторе сельской экономики сохраняется на одном уровне, а занятость в аграрном секторе (под эту тенденцию попадает и занятость на сельскохозяйственных предприятиях и занятость в ЛПХ) постепенно сокращается.

Если говорить о природопользовании, то надо признать, что практики собирательства в основном имеют вспомогательный характер. Этому способствует и то, что они носят все менее специализированный характер и то, что их сезонность позволяет сочетать их с другими экономическими практиками. Но эти черты также являются гарантией того, что в обозримом будущем природопользование вряд ли исчезнет.

Отметим, что роль и место личных подсобных хозяйств в экономике этнолокальных сообществ постепенно сокращается. С одной стороны, это является следствием увеличения масштабов работы вахтовым методом. Ведение хозяйства требует постоянных усилий и присутствия, а также тяжелого физического труда, поэтому появление занятости, связанной с вахтой и отходничеством в город, автоматически означает либо полный отказ от ведения подсобного хозяйства, либо значительное сокращение его объемов. Еще одной связанной тенденцией является усиление специализации в рамках сектора личных подсобных хозяйств и выделение его в основную сферу экономической деятельности для тех домохозяйств, которые отходничество не практикуют. Также развитие сектора личных подсобных хозяйств сегодня оказывается крайне зависимым от государственной аграрной политики.

Все отмеченные особенности являются характерными для экономических процессов не только в татарских поселениях. Они характерны для всего современного российского села. В то же время исследование показало, что существуют особенности, специфичные именно для экономики татарских этнолокальных сообществ, отличающие их от соседних сел с русским населением. Характерной чертой татарских сообществ, по сравнению с русскими, является более выраженная установка на природопользовательские практики. Можно утверждать, что в условиях перманентного социально-экономического кризиса именно

традиционные практики, связанные с освоением природных ресурсов, стали основой выживания этнолокальных сообществ татар (развалились колхозы, задерживают зарплату – татары начинают заниматься грибами, ягодами; дорого покупать комбикорм для кур – держат сезонно гусей и т. д.).

Еще одной важной чертой реализации экономических практик в татарских поселках выступает взаимопомощь среди родственников. Представители родственных семей часто объединяются для сбора дикоросов или для отходничества в город (бригады для строительства, как правило, образуются среди родственников). Это помогает более эффективно перераспределить обязанности и, в конечном итоге, выжить.

По оценкам и самих татар, и экспертов из сельских администраций, наблюдающих быт сельских жителей в русских и в татарских деревнях, отношения в татарских поселках крепче. Татары демонстрируют большую деловую хватку, они «хитрее» и в целом более адаптивны. Можно предположить, что все выделенные черты связаны не только с проявлением национального характера, но являются своеобразным проявлением этномобилизации в условиях жизни в иноэтничном окружении.

Суммируя все вышеизложенное, подчеркнем, что формирование систем жизнеобеспечения в сельских этнолокальных сообществах татар на современном этапе четко следует принципу диверсификации экономических практик. Сочетание различных форм экономической деятельности оказывается необходимым для выживания этнолокальных сообществ, принципом организации труда в современных условиях.

Вся структура экономических практик находится в процессе непрерывной трансформации. Элементы этой структуры оказываются по отношению друг к другу одновременно конкурирующими, но в тоже время компенсаторными и взаимодополнительными. Тенденции трансформации системы жизнеобеспечения этнолокальных сообществ в определенные периоды времени оказываются крайне противоречивы. С одной стороны, в условиях перманентного социально-экономического кризиса, именно традиционные практики становятся основой выживания этнолокальных сообществ татар. Но с другой стороны, в это же время происходит изменение структуры современных практик хозяйствования в сторону увеличения в их составе доли практик связанных с долговременными отлучками из села. Наиболее сильные изменения происходят в секторе ЛПХ, который одновременно неуклонно сокращается, но при этом начинает специализироваться, и в секторе, связанном с долговременным отходничеством. Но именно эти сферы деятельности на сегодняшний момент могут считаться и самыми нестабильными, поскольку их развитие максимально зависит от государственной политики и общей конъюнктуры рынка.

Отмеченные тенденции могут иметь специфические последствия для сельских сообществ с этнической спецификой: складывается ситуация, при которой развитие традиционных практик и даже работа в любой нетрадиционной сфере, но в пределах села, способствуют замкнутости и сохранению этнокультурного своеобразия. И напротив, экономические стратегии, связанные с отходничеством, размывают традиционный образ жизни и ведут к уменьшению употребления родного языка.

Трансформация перестает быть процессом и становится характеристикой современного состояния системы жизнеобеспечения сельских сообществ. Связано это с тем, что постоянно меняются внешние условия существования сообществ: прежде всего ситуация на рынке, в результате которой изменяется доступность и привлекательность для сельского населения различных экономических ниш; а также государственная политика в отношении села. Изменения в государственной регламентации ведут к институциональной перестройке села. По сути дела, мы наблюдаем, как все сообщества, в том числе и этнолокальных поселков, в своей экономической деятельности вынуждены адаптироваться к новым условиям, буквально раз в несколько лет, вслед за изменением общей социально-экономической ситуации в стране и вслед за конкретными законами, регламентирующими деятельность в определенных сферах. Именно это обуславливает сохранение предельно широкого спектра диверсификационных экономических стратегий. Они сохраняются, чтобы сообщество могло в случае кризиса быстро перестроиться и выжить. Такова особенность функционирования системы на данном этапе.

Список литературы / References

Зазулина, М. Р. (2019). Этническая идентичность в условиях проживания в сельской местности: модели воспроизводства и механизмы репрезентации. *Сибирский философский журнал*. Т. 17. № 3. С. 209-221. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221

Zazulina, M. R. (2019). Ethnic identity in the conditions of living in rural areas: patterns of reproduction and mechanisms of representation. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 17. no. 3. pp. 209-221. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221 (In Russ.)

Имекина, Д. О., Падюкова А. Д., Балаганская О. А., Агджоян А. Т. и др. (2017). Структура генофондов тоболо-иртышских и барабинских татар по данным о полиморфизме Y-хромосомы. *Генетика человека и патология*. Сборник научных трудов. Вып. 11. Томск. С. 47-48.

Imekina, D. O., Padyukova, A. D., Balaganskaya, O. A., Agdzhoyan, A. T. and more. (2017). Structure of the gene pools of the tobolo-Irtysh and Barabinsk Tatars according To y-chromosome polymorphism data. In *Human Genetics and Pathology*. Collection of proceedings. Vol. 11. Tomsk. pp. 47-48. (In Russ.)

Ульянова, М. В., Лавряшина, М. Б., Поддубиков, В. В., Зазулина, М. Р. и др. (2015). Итоги комплексного исследования процессов воспроизводства населения в локальных группах тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области: генетико-демографические аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 1-2. С. 36-43.

Ulyanova, M. V., Lavryashina, M. B., Poddubikov, V. V., Zazulina, M. R., Osipov, K. I., Chemchieva, A. P., Tychinskih, Z. A., Tkhorenko, B. A., Vedenin, A M., Nechiporenko, O. N.,

Druzhinin, V. G. (2015). Results of complex investigations of population reproduction processes in local groups of tobol-irtysh siberian tatars in tyumen region: genetic and demographic aspects. *Bulletin of the Kemerovo state University*. no. 1-2. pp. 36-43. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Статья поступила в редакцию: 30.10.2020

После доработки: 09.11.2020

Принята к публикации: 20.11.2020

Zazulina Mariia – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Nikolaev Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

The paper was submitted: 30.10.2020

Received after reworking: 09.11.2020

Accepted for publication: 20.11.2020